

Валерий Брюсов

Зеркало теней

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Б89

Брюсов В.
Б89 Зеркало теней / Валерий Брюсов – М.: Книга по Требованию, 2012. – 68 с.

ISBN 978-5-4241-2255-2

Один из известнейших русских поэтов, принадлежавший к старшему поколению символистов, В.Я.Брюсов (1873-1924) - ярчайший представитель русской культуры конца XIX - начала XX века.

Поле литературной деятельности этой необыкновенно талантливой личности обширно - он прославился как прозаик и драматург, переводчик и критик, редактор и издатель, историк литературы и стиховед.

В.Я.Брюсов основал Высший литературно-художественный институт, впоследствии названный его именем.

ISBN 978-5-4241-2255-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Валерий Брюсов
ЗЕРКАЛО ТЕНЕЙ
1909–1912

НА ГРУДИ ЗЕМНОЙ

*Покуда на груди земной
Хотя с трудом дышать я буду,
Весь тронет жизни молодой
Мне будет внятн отовсюду!*
А. Фет

«Веселый зов весенней зелени...»

Веселый зов весенней зелени,
Разбег морских надменных волн,
Цветок шиповника в расселине,
Меж туч луны прозрачный челн,
Весь блеск, весь шум, весь говор мира,
Соблазны мысли, чары грез,—
От тяжелой поступи тапира
До легких трепетов стрекоз,—
Еще люблю, еще приемлю,
И ненасытную мечтой
Слежу, как ангел дождевой
Плодотворит нагую землю!
Какие дни мне предназначены
И в бурях шумных, и в тиши,
Но цел мой дух, и не растрчены
Сокровища моей души!
Опять поманит ли улыбкой
Любовь, подруга лучших лет,
Иль над душой, как влага зыбкой,
Заблещет молний синий свет,—
На радости и на страданья
Живым стихом отвечу я,
Ловец в пучине бытия
Стоцветных перлов ожиданья!
Приди и ты, живых пугающий,
Неотвратимый, строгий час,
Рукой холодной налагающий
Повязку на сиянье глаз!
В тебе я встречу новый трепет,
Твой лик загадочный вопью,—
Пусть к кораблю времен прицепит
Твоя рука мою ладью.
И, верю, вечностью хранимый,
В тех далях я узнаю вновь
И страсть, и горечь, и любовь,
Блеск дня, чернь ночи, вёсны, зимы!
1911

НА ВЕЧЕРНЕМ АСФАЛЬТЕ

Мысли священные, жальте
Жалами медленных ос!
В этой толпе неисчетной,
Здесь, на вечернем асфальте,
Дух мой упорный возрос.
В этой толпе неисчетной
Что я? — лишь отзвук других.
Чуткое сердце трепещет:
Стон вековой, безотчетный
В нем превращается в стих.
Чуткое сердце трепещет
Трепетом тонкой струны,
Слышит таинственный ропот...
Шар электрический блещет
Мертвым лучом с вышины.
Слышит таинственный ропот
Сердце, в молчаньи толпы.
Здесь, на вечернем асфальте,
Словно предчувствие — топот,
Даль — словно в вечность тропы.
Здесь, на вечернем асфальте,
Дух мой упорный возрос.
Что я? — лишь отзвук случайный
Древней, мучительной тайны.
Мысли священные, жальте
Жалами медленных ос!
25 июня 1910

«Снова, с тайной благодарностью...»

*Что устоит перед дыханьем
И первой встречей весны!
Ф. Тютчев*

Снова, с тайной благодарностью,
Глубоко дышу коварностью
В сердце льющейся весны,
Счастье тихое предчувствую,
И живой душой сопутствую
Птицам в даях вышины.
Снова будут сны и радости!
Разольются в поле сладости
Красных кашек, свежих трав.
Слух занежу в вешней прелести,
В шуме мошек, в легком шелесте
Вновь проснувшихся дубрав.
Снова ночи обнаженные
Заглядятся в воды сонные,
Чтоб зардеться на заре.
Тучка тонкая привесится
К золотому рогу месяца,
Будет таять в серебре.
Эти веянья и таянья,
Эти млеянья и чаянья,
Этот милый майский шум,—
Увлекая к беспредельности,
Возвращают тайну цельности
Снов и мира, слов и дум...
1911

«Идут года. Но с прежней страстью...»

*О нет, мне жизнь не надоела,
Я жить хочу, я жизнь люблю!*
А. Пушкин

Идут года. Но с прежней страстью,
Как мальчик, я дышать готов
Любви неотвратимой властью
И властью огненной стихов.
Как прежде, детски, верю счастью
И правде переменных снов!
Бывал я, с нежностью, обманут
И, с лаской, дружбой оскорблен,—
Но строфы славить не устанут
Мечты и страсти сладкий сон.
Я говорю: пусть розы вянут,
Май будет ими напоен!
Всё прошлое — мне только снилось,
Разгадка жизни — впереди!
Душа искать не утомилась,
И сердце — дрожью жить в груди.
Пусть все свершится, — что б ни сбылось! —
Грядущий миг, — скорей приди!
Вновь, с рыбаком, надежды полный,
Тая восторженную дрожь,
В ладье гнилой, бросаюсь в волны.
Гроза бушует вокруг. Так что ж!
Не бойся, друг! пусть гибнут челны:
Ты счастье Цезаря везешь!
1911

ОБЪЯТИЯ СНОВ

Земная жизнь кругом объята снами.

Ф. Тютчев

СОН

Ты вновь меня ведешь, и в отдаленья, робко,
Иду я за тобой,—
Сквозь сумеречный лес, среди трясины топкой,
Чуть видимой тропой.
Меж соснами темно; над лугом тенью бледной
Туман вечерний встал;
Закатный свет померк на выси заповедной
Даль оградивших скал.
Мне смутно ведомо, куда ведет дорога,
Что будет впереди...
Но если шаг порой я замедляю, — строго
Ты шепчешь мне: иди!
И снова мы пройдем по кручам гор, по краю
Опасной крутизны.
Мир отойдет от нас, и снова я узнаю
Все счастье вышины.
На горном пастбище, меж сосен оголенных,
Сквозь голубую тень,
Мне явится, с крестом среди рогов склоненных,
Таинственный олень.
Ты вскрикнешь радостно; в свои надежды веря,
Ты сделаешь мне знак;
И будет озарен крестом лесного зверя
Вдруг отступивший мрак.
Расслышу с грустью я, как ты, клонясь всем телом,
Прошепчешь мне: молись!
Я руку подыму с привычным самострелом...
Стрела взовьется ввысь...
Вдруг пропадет олень; со стоном безнадежным
Исчезнешь ты; а я
Останусь, как всегда, спокойным и мятежным,
Ответный вздох тая.
7 января 1910

КОШМАР

Эту женщину я раз единый видел.
Мне всегда казалось: было то во сне.
Я ее любил; потом возненавидел;
Вновь ее увидеть не придется мне.

С ней вдвоем мы были где-то на концерте,
Сближенные странно радостной мечтой.
Звуки ясно пели о блаженстве смерти,
О стране, где сумрак, тайна и покой.
Кончилась соната. Мы перебежали
Яркий блеск фойе и залы тихой мглы.
Промелькнули лестниц темные спирали,
Нижних переходов своды и углы.
Наконец, пред дверью, почернелой, низкой,
Словно сговорившись, стали мы вдвоем.
Кто-то мне твердил, что цель исканий близко.
Задыхаясь, тихо, я сказал: «умрем!»
Женщина поспешно дверь открыла. Смутно
Озарились глубины сумрачных углов.
Комната была пустой и неприятной,
У стены направо высился альков.
И движеньем быстрым, — делая мне знаки
Следовать за нею, — женщина вошла,
Распустила косы, хохоча во мраке,
На постель припав, любовника ждала.
Раненное больно, сердце вдруг упало.
Помню вновь проходы, отблеск на стене...
Я вернулся к людям, к свету, к шуму зала.
Мне всегда казалось; было то во сне.
Январь 1910

БЕССОННИЦА

Луна стоит над призрачной горой;
Неверным светом залита окрестность[^]
Ряд кипарисов вытянулся в строй;
Их тени побежали в неизвестность.
Она проснулась и глядит в окно...
Ах, в полночь всё странней и идеальней!
Как давит бедра это полотно,
Как мало воздуха в знакомой спальне!
Она молчит, и всё молчит вокруг,
Портьеры, дверь, раздвинутые ставни.
И рядом спит ее привычный друг,
Знакомый, преданный, любовник давний.
Он рядом спит. Чернеет борода
И круг кудрей на наволочке белой.
Он равномерно дышит, как всегда;
Под простыней простерто прямо тело.
Луна стоит. Луна ее зовет
В холодные, в свободные пространства.
В окно струится свет, и свет поет
О тайной радости непостоянства...

Встать и бежать... Бежать в лучах луны,
По зелени, росистой, изумрудной,
На выси гор, чтоб сесть в тени сосны,
И плакать, плакать в тишине безлюдной!
Под простыней тревожно дышит грудь,
Мечты влекутся в даль и в неизвестность...
Луна плывет и льет живую ртуть
На сонную, безмолвную окрестность.
10 января 1910

РАДОСТНЫЙ МИГ

*...тот радостный миг,
Как тебя умолил я, несчастный па-
лач!*

А. Фет

Когда, счастливый, я уснул, она,—
Я знаю, — молча села на постели.
От ласк недавних у нее горели
Лицо, и грудь, и шея. Тишина
Еще таила отзвук наших вскриков,
И терпкий запах двух усталых тел
Дразнил дыханье. Лунных, легких бликов
Лежали пятна на полу, и бел
Был дорассветный сумрак узкой спальней.
И женщина, во тьме лицо клоня,
Усмешкой искаженное страдальной,
Смотрела долго, долго на меня,
Припоминая наш восторг минутный...
И чуждо было ей мое лицо,
И мысли были спутаны и смутны.
Но вдруг, с руки венчальное кольцо
Сорвав, швырнула прочь, упала рядом,
Сжимая зубы, подавляя плач,
Рыдая глухо... Но, с закрытым взглядом,
Я был простерт во сне, немой палач.
И снилось мне, что мы еще сжимаем
В объятиях друг друга, что постель
Нам кажется вновь сотворенным раем,
Что мы летим, летим, и близко цель...
И в свете утреннем, когда все краски
Бесстыдно явственны, ее лица
Не понял я: печати слез иль ласки
Вкруг глаз ее два сумрачных кольца?
1910–1911

НЕИЗЪЯСНИМЫ НАСЛАЖДЕНЬЯ

*Всё, всё, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья.*

А. Пушкин,

ДЕМОН САМОУБИЙСТВА

*И кто, в избытке ощущений,
Когда кипит и стынет кровь,
Не ведал ваших искушений,
Самоубийство и любовь!*

Ф. Тютчев

Своей улыбкой, странно-длительной,
Глубокой тенью черных глаз
Он часто, юноша пленительный,
Обворожает, скорбных, нас.
В ночном кафе, где электрический
Свет обличает и томит,
Он речью, дьявольски-логической,
Вскрывает в жизни нашей стыд.
Он в вечер одинокий — вспомните,—
Когда глухие сны томят,
Как врач искусный в нашей комнате,
Нам подает в стакане яд.
Он в темный час, когда, как оводы,
Жужжат мечты про боль и ложь,
Нам шепчет роковые доводы
И в руку всовывает нож.
Он на мосту, где воды сонные
Бьют утомленно о быки,
Вздувает мысли потаенные
Межами злобы и тоски.
В лесу, когда мы пьяны шорохом
Листвы и запахом полян,
Шесть тонких гильз с бездымным порохом
Кладет он, молча, в барабан.
Он верный друг, он — принца датского
Твердит бессмертный монолог,
С упорностью участия братского,
Спокойно-нежен, тих и строг.
В его улыбке, странно-длительной,
В глубокой тени черных глаз
Есть омут тайны соблазнительной,
Властительно влекущей нас...
Ночь 15/16 мая 1910